

ОСТРОВКИ МИЛОСЕРДИЯ. РОССИЙСКИЕ МЕДИКИ ВО ВРЕМЯ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В 1990 — НАЧАЛЕ 2000-х гг.

Д. В. Тумаков

Ярославский государственный медицинский университет, Ярославль, Россия

На рубеже XX–XXI вв. России дважды пришлось вести активные боевые действия для подавления очага сепаратизма, криминала и терроризма на Северном Кавказе. Они потребовали привлечения серьезных сил военной медицины. Между тем участие медицинских работников в двух чеченских операциях и по сей день нередко остается на периферии внимания отечественных исследователей. Российские масс-медиа 1990 — начала 2000-х гг. писали об участии военных врачей в помощи раненым и больным военнослужащим группировки федеральных войск непосредственно на передовой и в тыловых госпиталях, нередко информировали широкую общественность о поддержании душевного здоровья недавних фронтовиков, а также не оставляли без внимания помощь гражданскому населению (женщины, старики, дети) Чеченской республики. В некоторых публикациях сообщалось о наиболее успешных и сложных операциях, проведенных российскими военными хирургами. На страницах многих средств массовой информации тех лет также можно обнаружить репортажи о наиболее отличившихся во время активных боевых действий врачах, удостоенных высоких государственных наград, включая Золотую Звезду Героя Российской Федерации. Итогом практической деятельности российских медиков на Северном Кавказе в 1990-е и начале 2000-х гг. стало не только спасение жизней подавляющего большинства раненых бойцов, но и восстановление системы здравоохранения Чечни, предотвращение эпидемий и успешная борьба с многочисленными инфекционными заболеваниями.

Ключевые слова: военные медики, Северный Кавказ, Чечня, Россия, боевые действия, армия

 Для корреспонденции: Денис Васильевич Тумаков
ул. Революционная, д. 5, г. Ярославль, 150000, Россия; denistumakov@yandex.ru

Статья поступила: 24.05.2024 **Статья принята к печати:** 05.06.2024 **Опубликована онлайн:** 20.06.2024

DOI: 10.24075/medet.2024.009

ISLANDS OF MERCY. RUSSIAN DOCTORS DURING MILITARY OPERATIONS IN THE NORTH CAUCASUS IN THE 1990s AND EARLY 2000s

Tumakov DV

Yaroslavl State Medical University, Yaroslavl, Russia.

At the turn of the XX–XXI centuries, Russia had to conduct active military operations twice to suppress the hotbed of separatism, crime and terrorism in the North Caucasus. Serious military medicine forces had to be involved. Meanwhile, the participation of medical professionals in two Chechen operations is still on the periphery of attention of domestic researchers. In the 1990s and early 2000s, the Russian mass media wrote that military doctors were helping wounded and sick servicemen of the federal troops directly on the front line and in rear hospitals, often informed the general public about maintaining the mental health of recent front-line soldiers, and also never ignored the assistance to the civilian population (women, the elderly, children) of the Chechen Republic. Some press publications described the most successful and complex operations performed by Russian military surgeons. In many publications of those years, you can also find reports about the doctors who distinguished themselves the most during the active hostilities and were awarded high state awards, including the Gold Star of the Hero of the Russian Federation. The practical activities of Russian doctors in the North Caucasus in the 1990s and early 2000s resulted not only in the saving of the lives of the vast majority of wounded soldiers, but also in restoration of the Chechen health system, prevention of epidemics and successful fight against numerous infectious diseases.

Keywords: military doctors, North Caucasus, Chechnya, Russia, military operations, army

 Correspondence should be addressed: Denis V. Tumakov
Revolyutsionnaya str., 5, Yaroslavl, 150000, Russia; denistumakov@yandex.ru

Received: 24.05.2024 **Accepted:** 55.06.2024 **Published online:** 20.06.2024

DOI: 10.24075/medet.2024.009

В 1990-е и 2000-е гг. постсоветская Россия столкнулась с перманентным кризисом на территории Северо-Кавказского региона. Для ликвидации очага сепаратизма, криминала, а затем и террористической угрозы от государства потребовались экстренные меры. Неспоконная обстановка в те годы сложилась во многих национальных республиках Кавказа, но для восстановления конституционной законности и правопорядка в Чеченской Республике федеральный центр вел две тяжелые военные операции в 1994–1996 гг. и в 1999–2009 гг. Историки полагают, что ни одна из «горячих точек» СССР и постсоветского пространства рубежа 1980–1990-х гг. не потребовала от государства применения столь крупных сил и средств [1]. Их причины, ход военных действий и даже оценки в российском обществе тех лет в последние годы неоднократно становились предметом изучения

отечественных исследователей, но такие важные аспекты проблемы, как участие российских военных медиков в военных операциях на Кавказе, их роль в урегулировании данного конфликта, по-прежнему сравнительно слабо изучены отечественными исследователями. Хотя бы отчасти восполнить данную лауну призвана данная публикация. Важнейшим источником для нее выступает российская периодическая печать рубежа XX–XXI вв., включающая как профессиональные («Медицинская газета»), так и многие общественно-политические издания («Сегодня», «Огонек», «Аргументы и факты», «Независимое военное обозрение»).

Словно стремясь подчеркнуть масштаб достижений российской военной медицины в чеченских кампаниях, авторы публикаций в «Медицинской газете» регулярно приводили те или иные высокие количественные показатели работы медиков. К примеру, в разгар кровопролитных боев

за Грозный в августе 1996 г. издание сообщало о том, что в аэропорт Волгограда прибыл транспортный самолет из Чечни, на борту которого размещались 80 раненых военнослужащих, которым ранее уже была оказана первичная медицинская помощь в госпиталях Ханкалы и Владикавказа. 23 из них, получившие раны брюшной полости, грудной клетки или множественные осколочные ранения мягких тканей, находились в тяжелом состоянии, поэтому в аэропорту раненых встретила 21 бригада скорой помощи. Поскольку, как утверждал корреспондент газеты А. Папырин, поток раненых немногим уступал тому, что имел место зимой 1995 г., в военном госпитале Волгоградского гарнизона вновь были заняты все 485 коек, в том числе 192 — ранеными из Чечни [2]. Другая заметка в том же номере «Медицинской газеты» не приводила статистических данных, однако публиковала фото ИТАР-ТАСС с ранеными в Грозном военными и сообщала об их поступлении в аэропорт Беслана (Республика Северная Осетия-Алания), а оттуда — в госпиталь Северо-Кавказского военного округа в Ростове-на-Дону [3].

Аналогичные факты мы можем обнаружить и при ознакомлении с периодической печатью рубежа 1990–2000-х гг., повествовавшей уже о событиях второй чеченской кампании. Так, старший преподаватель кафедры военно-полевой хирургии Военно-медицинской академии имени С. М. Кирова полковник медицинской службы В. Марчук вспоминал, что в период наступления федеральных войск на Грозный и боев за господствующие высоты над ним осенью–зимой 1999 г. в госпиталь ежедневно прибывали до 70 раненых бойцов, а максимальный показатель в один из дней достиг 156 человек [4]. Эти оценки в интервью «Независимому военному обозрению» (приложению к «Независимой газете» — одному из наиболее авторитетных и влиятельных российских изданий постсоветского периода) в целом подтверждал анонимный санинструктор мотострелковой роты, по словам которого, в разгар активных боевых действий за сутки в среднем погибали 5–6 военнослужащих и 15 получали ранения [5]. При этом в 1999–2000 гг. в работе медиков наблюдался существенный прогресс по сравнению с операцией 1994–1996 гг.: эвакуация раненых с помощью авиации была организована лучше, практически не наблюдалось проблем со снабжением армии медикаментами, а почти всем бойцам перед отправкой на Кавказ делали необходимые прививки [4]. Для перевозки наиболее тяжелых раненых в столичные госпитали федеральная группировка активно использовала санитарные самолеты Ан-72 и Ил-76, причем на борту последнего располагались реанимационная и операционная. Срок доставки таких раненых с поля боя в госпитальную палату в среднем составлял 6 ч [4].

Немаловажно, что регулярные публикации центральных СМИ об участии российского медицинского сообщества в преодолении тяжелых последствий активных военных действий на Северном Кавказе в 1990-е и в начале 2000-х гг. не были обезличенными. Напротив, немалую роль среди них играли сравнительно обширные материалы о наиболее отличившихся российских военных медиках, чьи кавказские заслуги были отмечены высокими государственными наградами. Самым известным из них стал Герой России, командир медицинской роты 27-й бригады Воздушно-десантных войск, гвардии майор медицинской службы В. А. Белов, который в составе хирургического медицинского пункта сводного полка в первом квартале 1995 г. участвовал во взятии Грозного и Аргуна. В масс-медиа середины 1990-х гг. он

фактически сравнивался с фронтовыми медиками эпохи Великой Отечественной войны. Так, в одной из заметок в «Медицинской газете», вышедшей в 1996 г. в преддверии Дня Победы, сообщалось о том, что дед Белова также был военным врачом и погиб на фронте в 1941 г. [6]. Весьма примечательно, что тремя другими героями той же публикации, кроме В. А. Белова, стали медики, удостоенные Золотой Звезды Героя Советского Союза за спасение раненых красноармейцев или партизан в 1941–1945 гг.

Спустя полтора года после ввода федеральных войск в мятежную республику и начала широкомасштабных боевых действий Белов лаконично вспоминал в интервью корреспонденту «Медицинской газеты» полковнику запаса Р. Чекмареву, что при штурме чеченской столицы в начале кампании 1994–1996 гг. «дни и ночи смешались для нас. А раненые все поступали и поступали» [7]. Тогда им и его коллегами были спасены сотни раненых российских военных [6]. Напротив, взятие федеральными силами третьего по величине города Чечни Аргун 23 марта стоило сводному полку ВДВ 5 военнослужащих убитыми, а раненых в медпункт «поступило очень мало» [7]. Отметим, что названные сведения о потерях федеральной группировки вполне совпадали не только с официальными оценками армейского командования, но и с оценками тех столичных журналистов, что весьма критично относились к силовому решению чеченского кризиса [1].

В том же интервью гвардии майор Белов подчеркнул высокий профессионализм и личное мужество своих коллег В. Пугачева, В. Луконина, А. Кирха, Р. Носкова, В. Германова, А. Чаплыгина и Б. Баринова [7]. Со ссылкой на неназванных российских солдат, им приводился и конкретный пример своей работы в зоне военных действий. Зимой 1995 г. в Грозном старший лейтенант медицинской службы Е. Леоненко попал под огонь боевиков, с трудом выбрался из горящего БТРа, но упал в канализационный колодец и едва не погиб, так как чеченские сепаратисты бросили туда ручную гранату. Выйти в расположение российских войск тяжелораненый офицер-медик смог лишь через трое суток, а после оказания первичной помощи в медпункте он был направлен уже в госпиталь, где Леоненко были диагностированы «контузия, множественные осколочные ранения, термические ожоги» [7]. Его дальнейшая судьба была не известна В. А. Белову.

В не менее сложных обстоятельствах приходилось действовать российским врачам и во время второй кампании в Чечне. Военный медик-хирург, Герой России, подполковник медицинской службы И. А. Милютин, сравнивая между собой две операции на Северном Кавказе, полагал события 1999–2000 гг. более сложным испытанием в силу частых перемещений по территории мятежной республики [4]. Во время боев в Новолакском районе Дагестана в сентябре 1999 г. снайперы и минометчики противника отслеживали передвижение медицинских работников и вели по ним сильный огонь. Чтобы избежать гибели или ранения, приходилось специально подтягивать бронетехнику, что закрывало видимость снайперам и помогало вытаскивать раненых российских военнослужащих с поля боя [4]. Из воспоминаний начальника хирургического отделения Центрального военно-клинического госпиталя имени А. А. Вишневского подполковника медицинской службы А. В. Филиппова также следовало, что переезды на другое место дислокации в это время происходили примерно 1–2 раза в неделю. Каждый раз военно-полевой госпиталь

развертывался с нуля, в голой степи — без электричества, водоснабжения и связи. Как утверждал военврач, они и его сослуживцы «все время ... утопали по колено в грязи», работали и жили в палатках размером 30 на 10 метров [8].

Главным героем другого большого очерка, опубликованного на страницах «Медицинской газеты» летом 1996 г., стал начальник отделения микрохирургии 3-го Центрального клинического военного госпиталя имени А. А. Вишневого (г. Красногорск, Московская область) подполковник медицинской службы В. В. Кузин. Как утверждал автор публикации журналист А. Головенко, упомянутый хирург ежегодно проводил до 200 сложных операций, итогом которых становилось выздоровление даже безнадежных раненых. Примечательно, что свидетелем одной из них, длившейся около 8 ч, был и сам Головенко, позднее поведавший читателям о судьбах некоторых военных, ставших пациентами красногорского госпиталя. Например, 18-летний сержант Российской армии А. Семакин в бою с террористами из банды С. Радуева в дагестанском селении Первомайское (январь 1996 г.) едва не лишился правой руки после попадания очереди крупнокалиберного пулемета. Однако военврач Кузин вырезал из голени малоберцовую кость и врастил ее в плечо, чем спас конечность бойца. У ветерана афганской войны и ряда «горячих точек» Закавказья старшины разведроты Ю. Емельянова во время штурма Грозного зимой 1995 г. в результате близкого разрыва снаряда «живот ... осколками был набит», однако доктор вырезал из бедра тонкую мышцу и аккуратно наложил на живот «заплатку». Более того, В. В. Кузин даже смог пересадить Емельянову палец со стопы на руку. Упомянулся в статье и случай рядового И. Коломнина, который почти лишился правой ноги ниже колена в результате подрыва его БМП на радиоуправляемом фугасе близ Аргуна. Военнослужащий также избежал ампутации благодаря высочайшему профессионализму хирурга В. В. Кузина, который пересадил солдату на правую ногу малоберцовую кость с мышцей с левой ноги [9].

Центральные масс-медиа оперативно сообщали и о том, что врачи некоторых провинциальных военно-медицинских учреждений во время первой чеченской кампании 1994–1996 гг. также достигли заметных профессиональных результатов. Так, в хирургическом отделении Волгоградского военного госпиталя во время взятия Грозного зимой 1995 г. умерли только 3 раненых военнослужащих, хотя ежедневно из столицы Чечни в аэропорт Волгограда прибывали два самолета с ранеными, причем «солдаты, офицеры поступали прямо со снаряжением, автоматами, в обгоревших, грязных бушлатах» [10]. После обострения обстановки в Грозном весной 1996 г. в тот же госпиталь были доставлены еще 90 раненых и больных российских военнослужащих. Героический труд врачей не остался без внимания государства и общества. За успешную профессиональную деятельность правительственных наград были удостоены врачи А. Брызгунов и А. Азимов, а также операционные сестры И. Васильева и С. Шарай, а ведущий хирург А. Гончаров даже делился собственным опытом в докладе на заседании областного общества хирургов [10].

Пример Волгоградского военного госпиталя был далеко не единственным, приводившимся в те годы в центральных СМИ. Например, в другом номере «Медицинской газеты» упоминалось о том, что заведующий отделением травматологии стационарного военного госпиталя № 358 Приволжского военного округа (г. Самара)

полковник медицинской службы М. М. Федосеев, в 1980-е гг. служивший в Афганистане, разработал и внедрил в повседневную практику несколько операций: пластику связок травматически поврежденного коленного сустава, диэлектрическую вставку в аппарат Илизарова, снижавшую сроки сращения переломов конечностей более чем на месяц. Более того, как констатировал журналист «Медицинской газеты», в отделении травматологии Самарского госпиталя к лету 1996 г. не было зафиксировано ни одного случая летального исхода среди раненых военнослужащих [11]. Между тем за время первой чеченской кампании через Самарский госпиталь прошли 1900 раненых военных, в том числе 120 из них оказались в реанимации [12].

Помимо физического, российские военные медики стремились сберечь и душевное здоровье своих пациентов. В большой статье в «Медицинской газете» известный военный журналист полковник Б. В. Карпов рассказывал об участнике Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., кандидате медицинских наук, психотерапевте И. П. Перевалове из санатория ВВ МВД в Кисловодске (Ставропольский край). За полтора года активных боевых действий в Чечне он и его коллеги предоставили полный 24-дневный курс лечения более чем 400 раненым офицерам и солдатам ВВ и ещё 100 пациентам — лечение по 12-дневной программе [13]. Для этого в распоряжении медиков на курорте имелись нарзанные ванны, зал лечебной физкультуры, кабинеты гидро-, игло- и ароматерапии, фитобар, сауна и плавательный бассейн. Однако, как подмечал автор публикации, главным показателем признания высокой эффективности лечения в санатории «Россия» были выдержки из писем самих отдохнувших российских военных. Некто Н. — военнослужащий ВВ МВД РФ, ранее уже проходивший службу в «горячих точках» Закавказья, — выражал благодарность И. П. Перевалову за то, что после лечения в санатории «стал другим», то есть осознал острую необходимость продолжения жизни. В свою очередь, ветеран войны в Афганистане полковник В. писал, что после реабилитации у И. П. Перевалова «вернулся к нормальной человеческой жизни», прекратив злоупотреблять алкоголем. Следует отметить, что опыт медиков, полученный во время военных действий на Северном Кавказе, был проанализирован еще задолго до формального окончания данного вооруженного конфликта. Так, в санаториях и домах отдыха ВВ МВД России создавались реабилитационные отделения, а непосредственно в воинских частях — внештатные военно-врачебные комиссии для направления фронтовиков на отдых, лечение и реабилитацию в санатории. При поддержке офицеров Военно-медицинского управления Главкомата И. П. Перевалов готовил памятку для участников военных конфликтов [13].

Помощь со стороны российских врачей была оказана не только раненым или заболевшим военнослужащим и представителям других силовых структур, но и гражданскому населению Чеченской республики. В упомянутом выше интервью гвардии майора В. А. Белова содержалось утверждение о том, что жители Грозного, особенно старики, женщины и дети, неоднократно становились его пациентами, либо бесплатно получая от армейских медиков нужные медикаменты, либо экстренную помощь. Военврач вспоминал, что зимой и ранней весной 1995 г. он сам и его сослуживцы нередко отдавали собственный сухой паек «людям, которые голодали, ютятся в подвалах и полуразрушенных домах» [7]. Его точку зрения

разделяла корреспондент популярного в позднесоветские и постсоветские годы журнала «Огонек» Н. Прокофьева, неоднократно посещавшая Чечню в разгар боевых действий. По ее мнению, во многом благодаря стараниям российских военных медиков в республике в военные годы удалось не допустить повторения эпидемии холеры, были достигнуты успехи в борьбе с полиомиелитом, чумой, дифтерией, сибирской язвой, дизентерией и гепатитом. Стараниями заместителя председателя Государственного комитета санитарно-эпидемиологического надзора Г. Г. Онищенко в Чечне началось восстановление разрушенной за годы правления сепаратистского режима структуры СЭС [14].

Аналогичную точку зрения о взаимоотношениях медиков и мирных жителей Чечни уже незадолго до окончания боевых действий в 1996 г. высказал директор Всероссийского центра медицины катастроф «Защита» генерал-майор медицинской службы С. Ф. Гончаров. По его данным, вокруг госпиталя в поселке Старая Сунжа в пригороде Грозного в 1994–1996 гг. складывалась «очень хорошая обстановка, доброжелательная атмосфера», поскольку местное население «очень здорово» помогало врачам. Для жителей Чечни само по себе наличие медицинского учреждения было чем-то наподобие барометра. Они регулярно интересовались у медиков, не уйдет ли госпиталь, следовательно, не нужно ли покидать населенный пункт им самим. В составе бригады госпиталя «Защита» в то время работали 23 высококлассных специалиста — нейрохирурги, травматологи, детские хирурги, анестезиологи — из ведущих клиник Москвы [15]. Значение их помощи мирным гражданам нельзя было переоценить. Во время боев за Грозный в августе 1996 г. за помощью к ним обратились свыше 370 человек, включая 117 раненых [15]. Как сообщил профессор Гончаров, среди прочих его подчиненные оказали поддержку многочисленным женщинам, получившим проникающие ранения в грудную, брюшную и черепную полости, причем подавляющее большинство пациентов были спасены и позднее эвакуированы в госпиталь Владикавказа, Моздока и райцентра Знаменское. Российским врачам не удалось спасти только двух тяжелораненых [15].

Еще одним важным событием, в котором приняли непосредственное участие российские медики во время военных действий на Северном Кавказе, стала благотворительная социально-медицинская программа «Фронтвые дети Чечни», запущенная в 1995 г. Российским детским фондом (РДФ). Ее основной целью стала организация реабилитации и лечения детей-инвалидов в новой «горячей точке» постсоветского пространства. Более чем за год до 250 чеченских детей были направлены в медицинские учреждения соседних национальных республик Северного Кавказа (Ингушетия, Дагестан, Северная Осетия-Алания), а ещё 22 ребенка — в больницы Москвы. Очевидно, данные показатели были каплей в море — лишь в первые недели марта 1996 г. и только в Грозном сотрудники РДФ выявили еще более

70 детей и подростков, которые не могли быть вылечены в условиях Чечни и должны были быть срочно доставлены на реабилитацию в специальные клиники крупных городов страны. На каждого ребенка, пострадавшего в результате боевых действий, были открыты личные счета в рублях и валюте, позднее РДФ обратился с просьбой об организации помощи тяжелораненым детям к государственным и частным организациям, коммерческим структурам, банкам и обычным гражданам страны [16].

Весьма немаловажен и тот факт, что жизненный уровень большинства российских военных врачей в те годы был достаточно низок: в середине 1990-х гг. 20 из 35 сотрудников упомянутого выше Волгоградского госпиталя не имели своего жилья, им остро не хватало нового хирургического оборудования [10]. Врачи из Санкт-Петербурга в разгар второй чеченской кампании тоже признавали факт отсутствия у них дорогостоящих противошоковых костюмов или вакуумных носилок, распространенных за рубежом [4]. При этом отметим, что, несмотря на трудное социально-экономическое положение и перманентную политическую нестабильность в России тех лет, тот же Волгоградский госпиталь в целом не был отделен вниманием и заботой властей и общественности. Помощь ему оказывали городская и областная администрации, выделившие две автомашины и транспорт для доставки раненых военных от самолета до госпиталя, а также местная общественность. Многие промышленные предприятия Волгограда снабжали медицинское учреждение собственной продукцией, а обычные граждане регулярно навещали раненых бойцов, приносили им в палату фрукты или демонстрировали уважение к ним иными способами [10].

Итоги деятельности российских врачей на Северном Кавказе на рубеже XX–XXI вв. могут быть подведены следующими фразами о хирургах из Санкт-Петербурга: «эти люди могут разобрать человека на части и собрать заново» или «мы боремся за каждый сантиметр конечности» [4]. Эти слова подтверждаются официальной статистикой, согласно которой летальность в лечебных учреждениях во время крупнейших военных кампаний XX в. неуклонно сокращалась: за годы Великой Отечественной войны она составляла 5,5%, во время войны в Афганистане — 4%, а во время обеих чеченских кампаний — 1,2% и 1% соответственно [4]. Как видим, именно боевые действия стали наиболее успешными для нашей страны с точки зрения спасения человеческих жизней. Именно российские медики способствовали восстановлению системы здравоохранения мятежной республики и в целом давали высокий пример гуманизма и сострадания к людям — не случайно госпитали различных центральных министерств и ведомств называли «островками милосердия». Во многом из-за их самоотверженного труда и мужества России удалось достигнуть урегулирования чеченского кризиса и ближе к исходу второго десятилетия XXI в. установить спокойствие, конституционный порядок и законность на Северном Кавказе.

Литература

1. Тумаков Д. В. Горячая точка новой России: чеченский кризис 1991–1996 гг. в оценках российского общества. Ярославль. Аверс Плюс. 2017; 712.
2. Папырин А. И опять госпиталь переполнен. Медицинская газета. 28 августа 1996.
3. В Ростов-папу... Медицинская газета. 28 августа 1996.
4. Романов В. Эти люди могут разобрать человека на части и собрать заново. Как работают в Чечне военно-полевые хирурги Российской армии. Сегодня. 17 февраля 2001.
5. Удманцев В. Откровения военного медика. Независимое военное обозрение. 28 июля — 4 августа 2000.
6. Четверо героев. Медицинская газета. 8 мая 1996.

7. Чекмарев Р. Владимир Белов о себе, коллегах и друзьях. Медицинская газета. 5 июля 1996.
8. Позднякова М. Со скальпелем и автоматом. Боевое крещение военный врач получил в Чечне. Аргументы и факты. 19 мая 2019.
9. Головенко А. Чеченский экзамен. Медицинская газета. 10 июля 1996.
10. Папырин А. Передовая не только в Чечне. Медицинская газета. 29 мая 1996.
11. Самарин В. За тысячи верст от чеченской войны. Медицинская газета. 24 июля 1996.
12. Сопельняк Б. Н. Голгофа XX века. Документальная проза. ТЕРРА-Книжный клуб. 2001; 2: 391.
13. Карпов Б. Реабилитация «чеченцев». Медицинская газета. 2 августа 1996.
14. Прокофьева Н. Когда уходят врачи... Огонек. 1997; 3: 14–16.
15. Переплетчиков Л. В Чечне делаем все, что возможно. Медицинская газета. 6 сентября 1996.
16. Степанова И. «Фронтовые дети Чечни» ждут помощи. Медицинская газета. 29 мая 1996.

References

1. Tumakov DV. Goryachaya tochka novoj Rossii: chechenskij krizis 1991–1996 gg. v otsenkah rossijskogo obshchestva. Yaroslavl. Avers Plus. 2017; 712. Russian.
2. Papyrin A. I opyat gospital perepolnen. Meditsinskaya gazeta. 28 avgusta 1996. Russian.
3. V Rostov-papu ... Meditsinskaya gazeta. 28 avgusta 1996. Russian.
4. Romanov V. Eti lyudi mogut razobrat cheloveka na chasti I sobrat zanovo. Kak rabotayut v Chechne voenno-polevyje hirurgi Rossijskoj armii. Segodnya. 17 fevralya 2001. Russian.
5. Udmantsev V. Otkrovenia voennogo medika. Nezavisimoje voennoje obozrenie. 28 ijulya — 4 avgusta 2000. Russian.
6. Chetvero geroev. 8 maja 1996. Russian.
7. Chekmaryov P. Vladimir Belov o sebe, kollegah i druzijah. Meditsinskaya gazeta. 5 ijulya 1996. Russian.
8. Pozdnyakova M. So skalpelem I avtomatom. Bovoje kreshchenie voennyj vrach poluchil v Chechne. Argumenty I fakty. 19 maja 2019. Russian.
9. Golovenko A. Chechenskij ekzamen. Meditsinskaya gazeta. 10 ijulya 1996. Russian.
10. Papyrin A. Peredovaja ne tolko v Chechne. Meditsinskaya gazeta. 29 maja 1996. Russian.
11. Samarin V. Za tysyachi verst ot chechenskoj vojny. Meditsinskaya gazeta. 24 ijulya 1996. Russian.
12. Sopelnyak BN. Gologofa XX veka. Dokumentalnaja proza. TERRA-Knizhnyj klub. 2001;2: 391. Russian.
13. Karpov B. Reabilitatsija «chechentsev». Meditsinskaya gazeta. 2 avgusta 1996. Russian.
14. Prokofieva N. Kogda uhodyat vrachi... Ogonyok. 1997; (3): 14–16. Russian.
15. Pereplechikov L. V Chechne delayem vsyo, chto vozmozhno. Meditsinskaya gazeta. 6 sentyabrya 1996. Russian.
16. Stepanova I. «Frontovyje deti Chechni» zhdut pomoshchi. Meditsinskaya gazeta. 29 maja 1996. Russian.